

**АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ**

**РУССКАЯ
ТРАГЕДИЯ**

Александр Зиновьев

Русская трагедия

«Алисторус»

2014

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)635

Зиновьев А. А.

Русская трагедия / А. А. Зиновьев — «Алисторус», 2014

ISBN 978-5-906947-52-9

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) – выдающийся социолог, социальный философ и писатель. До периода перестройки Зиновьев был одним из самых ярких критиков советской системы, входил в число видных диссидентов, был выслан из СССР. А в поздних трудах крайне негативно оценивал разрушение советской системы. В книге «Русская трагедия» Александр Зиновьев подверг всестороннему анализу один из самых трагических периодов в истории нашей страны, когда «поголовное предательство правящего партийного аппарата» привело к развалу великого государства – Советского Союза и его ликвидации. Здесь же автор рассуждает о будущем России, об опасностях глобализма и о перспективах мирового развития.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)635

ISBN 978-5-906947-52-9

© Зиновьев А. А., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Последний социологический роман Александра Зиновьева	6
Совок	7
Мое социальное положение	8
Крах советской системы ценностей	9
Наша личная судьба	11
Почему?	12
Мой дом	13
Наш микрорайон	15
Прошлое и настоящее	16
Зримые черты будущего и пережитки прошлого	18
Зримые черты посткоммунизма	19
Мои собеседники	20
Признание Критика	23
Зримые черты западнизма	24
Приватизация	26
Сын	27
Зримые черты западнизма	28
Самоубийство народа	30
Дома	31
Депрессия	33
Идейное опустошение	34
Проблема будущего	35
Понятие будущего	36
Устремленность во времени	38
Пережитки коммунизма	40
Знать и понимать	41
Кто виноват	42
Зримые черты посткоммунизма	43
Мнение Критика	44
Русский коммунизм	45
Коммунизм идеологический и реальный	47
Русская революция	48
Эволюция коммунизма	50
Новая проблема	51
Жена	52
Великий соблазн	53
Одержимость	54
Эволюционный перелом	55
Быт	56
Пережитки коммунизма	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Зиновьев

Русская трагедия

© Зиновьев А. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Последний социологический роман Александра Зиновьева

Социологический роман как особый вид сочинительства изобретен А. Зиновьевым. Первым таким романом, как известно, были «Зияющие высоты», опубликованные в 1976 году. Они принесли автору мировую известность и вынужденную эмиграцию (1978–1999).

Книга «Русская трагедия» – последний роман такого рода. Последний не только по времени написания, но и вообще в творчестве автора, поскольку он принял решение книг такого жанра больше не писать. Роман был написан еще в 1999 году, в эмиграции, но не был опубликован тогда в связи с возвращением на Родину.

Жизнь в России дала автору материал для новых наблюдений и размышлений. И он решил дополнить его, как только представится возможность для этого. Такая возможность представилась лишь через три года. Между первым и этим последним романом автор написал около двадцати книг такого рода («Желтый дом», «Светлое будущее», «Катастрожка» и др.). Они были переведены на многие языки планеты, и большинство из них были в свое время бестселлерами.

Уместно спросить: в чем заключается особенность социологических романов А. Зиновьева? В том, что в них излагаются результаты научного исследования социальных явлений, но делается это с использованием средств художественной литературы. Автора побуждали к этому следующие соображения. Во-первых, литературная форма – и это особенно важно для новаторского подхода А. Зиновьева – позволяет привлечь внимание к его идеям более широкий круг читателей, чем сфера профессиональных социологов. Во-вторых, занимаясь социальными исследованиями в одиночку и в ненормальных для ученого условиях, Зиновьев не мог за короткое время довести результаты исследования до уровня систематически построенной научной теории. Исследования приобретали фрагментарный характер. Их объединял в единое целое лишь научный подход к изучаемым объектам, выработанный самим А. Зиновьевым, и видение в перспективе научной картины огромного эмпирического материала – явлений коммунистического и западного мира, общей эволюции человечества, глобализации и т. д. Именно социологический роман позволял многочисленные фрагменты исследований объединять в целое в качестве промежуточного этапа на пути от исследования частей огромного эволюционного процесса человечества к осмыслению их закономерной связи. Словосочетание «социологический роман» автор использовал в применении к сочинениям такого рода, поскольку в них социальные идеи воплощаются в словах и поступках литературных персонажей, подобных персонажам традиционной литературы.

Предлагаемая читателю новая книга А. Зиновьева посвящена трагическому периоду российской истории – созреванию антикоммунистического переворота, самому перевороту и становлению постсоветской социальной системы в России. Весь этот период А. Зиновьев определяет как «эпоху тотального помутнения умов». В книге дается социологически точное описание коммунистической социальной организации в России, причин и сущности контрреволюции, роли Запада в разгроме Советского Союза, сущности постсоветизма, положения России в глобальном сообществе. Делается научный прогноз эволюции России в обозримом будущем. Литературный аспект в книге представлен описанием характерной судьбы советской семьи, которая стала жертвой переворота, как это произошло с миллионами российских семей.

Совок

Словом «совок» сейчас называют представителей поколений, которые сформировались и прожили более или менее значительную часть жизни в советский период. Употребляя это слово, употребляющие его тем самым выражают презрение к советской эпохе и к порожденным ею людям.

Употребляют также слово «коммуняка». При этом имеют в виду совков, которые ностальгируют по советскому периоду, остаются приверженными советской (коммунистической) идеологии и не принимают результаты антикоммунистического переворота горбачевско-ельцинских лет.

Я принадлежал к числу тех, с совкового молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая сам всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы. Но в институте, в котором я проработал более тридцати лет, мне сообщили, что в моих услугах в связи с его приватизацией и реорганизацией больше не нуждаются. Я знал, что это рано или поздно случится. Я ждал этот момент и вроде бы был готов к нему психологически. Но когда мне официально сообщили об этом, это прозвучало для меня подобно смертному приговору.

Безработный! Для меня как для совка за все годы жизни в Советском Союзе никогда в голову не приходила мысль даже в виде гипотезы, что я могу остаться без работы. Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной. Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства.

В состоянии окаменелости, не замечая своих бывших коллег, я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху. Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреде?! Как и почему это произошло?! Кто в этом повинен?! Пройдя пешком полпути до дому, я обрел способность к логическому мышлению. Ты сам и повинен в этом. Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в августе 1991 года? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его. Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоём поведении, – за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнешь!

Мое социальное положение

Я и Жена окончили школу после войны. Университет окончили после смерти Сталина, аспирантуру – после XX съезда КПСС, взявшего курс на десталинизацию страны. Оба успешно защитили кандидатские диссертации и получили хорошие места работы по любимой профессии. Через несколько лет защитили докторские диссертации. Я стал профессором, она – заведующей лабораторией.

В советский период мы, таким образом, принадлежали к среднему слою населения, причем к его высшему подслою. Мой сын стал главным инженером среднего предприятия. Дочь стала переводчицей и вышла замуж за офицера, который окончил военную академию и стал полковником.

В советский период сложилась определенная иерархия социальных слоев и, соответственно, уровней благополучия. Не все жили одинаково хорошо. Многие жили превосходно (до пяти процентов населения), многие хорошо (до десяти процентов), большинство терпимо (до шестидесяти процентов), остальные ниже среднего и плохо. Разумеется, по советским, а не по западным меркам. В мировой социологии принято измерять степень неравенства так: вычисляется жизненный уровень десяти процентов высшего уровня и десяти процентов низшего, и результаты сопоставляются. В Советском Союзе отношения высших десяти процентов к уровню десяти процентов низших было четыре к одному, а теперь, в постсоветской России, – тридцать (а по другим сведениям, сорок) к одному. Комментарии не требуются!

В том, что мы из низших слоев поднялись в средний слой (причем ближе к высшему), не было ничего особенного. Нечто подобное было достижимо для многих без каких-либо особых данных. Тогда даже самые яростные антисоветчики вынуждены были признавать, что в Советском Союзе была самая высокая в мире и в истории человечества вообще вертикальная динамика населения, т. е. подъем из низших слоев в более высокие. Для большинства таких людей это делалось как бы само собой.

Я не прилагал для этого никаких особых усилий. Хорошо учился и работал. Был честным гражданином. Окружающие видели это и ценили меня именно за это. Те, от кого зависело мое служебное положение, сами способствовали моему жизненному успеху. Это было обычным явлением в советский период. Таких, как я, были миллионы. Мы образовывали человеческий фундамент советского общества. Если ты обладал какими-то полезными для общества способностями, хорошо учился и добросовестно работал, ты большую карьеру не сделал бы, но на достаточно высокий уровень поднялся бы без всяких карьеристских усилий. Основа советского общества позволяла многим миллионам людей жить достойно. Это определяло высокий уровень самосознания советского человека – совка. Я обратил на это внимание только теперь, когда условия для этого качества исчезли, были разрушены. Почему я это качество не замечал раньше? Да потому, что все условия для него мне достались как дар судьбы, без усилий с моей стороны, как нечто само собой разумеющееся и потому не имевшее субъективной ценности.

Крах советской системы ценностей

Сейчас все то, что было достигнуто в советский период для миллионов таких совков, как я, потеряло всякую ценность и вообще оказалось ненужным. Это – самая большая потеря русского народа за всю его историю. Потеря трагическая, катастрофическая. Произошла переоценка ценностей. Появились многочисленные профессии, для овладения которыми не нужно никаких особых способностей и никакого особого образования, а оплачиваются они намного лучше, чем учителя, профессора, медицинские и научные работники.

– Народ, в котором школьные учителя, университетские профессора и научные работники зарабатывают меньше, чем уборщицы, секретарши, торгаши и охранники, в наше время обречен на деградацию и историческую гибель, – сказал сосед по дому, с которым я теперь часто разговариваю и называю для себя Критиком.

– Неужели это нельзя остановить? – спросил я. – Раз это состояние есть результат искусственных реформ, почему бы не осуществить реформы противоположно направленные?!

– Увы! Некому осуществлять эти контрреформы. За эти годы радикально изменилась социальная структура населения страны. В одной только Москве число частных более семисот тысяч. А сколько их с членами семей! А сколько у них наемных соучастников! Если в стране число людей, занятых в сферах обслуживания, частного бизнеса, развлекательства, порядка, политики и т. д., намного превосходит число людей, занятых производительным трудом, такое население уже не заставишь строить коммунизм. Сейчас россияне, несмотря ни на какие трудности, не захотят вернуться к советскому образу жизни. Такой возврат потребовал бы усилий и жертв, а наш народ на это не пойдет.

– Но ведь все же говорят о деградации, о вымирании!

– Ну и что?! Говорят – и все. Не действуют в духе слов. Не восстают. Для масс такое бездельное, без усилий, аморальное, безответственное и т. д. постепенное вымирание предпочтительнее, чем спасительный шторм с явными жертвами и ценой воздержания и усилий.

Меня все время мучает одна мысль. Я спрашиваю себя: чем был для меня советский социальный строй, коммунизм? Гарантированное бесплатное образование по выбору, в соответствии со способностями и склонностями. Любимая работа по профессии, хорошо оплачиваемая, оплачиваемый огромный отпуск. Медицинское обслуживание бесплатное. Путевки в дома отдыха и в санатории. Коллектив. Общение. Совместные мероприятия, вечера, туристические походы. Дружеские отношения по выбору и в изобилии. Формально простая жизнь. Почти никакой бюрократической волокиты. Гарантированное будущее детей. Общая уверенность в будущем. Гарантированная пенсия.

Не так богато, как на Западе. Но основные потребности были удовлетворены. И жизнь непрерывно улучшалась. Были, конечно, минусы. Но такие ли большие на самом деле?! За границу не пускали? Так я и не стремился. Кому-то квартиру лучше дали? Так я своей был доволен. В членкоры не пропустили? Так и без этого жить можно было неплохо. Марксизмом мучили? К чему лицемерить?! Мы к этому относились с юмором. Да к тому же идеология несла просвещение. И идеологическая нагрузка была куда более слабая, чем ранее религия. И никакой «марксистской десятины» не платили. Одним словом, это был мой социальный строй, мое общество. И ни на какое другое я его менять не собирался. Так почему же я не встал грудью на его защиту, когда нависла угроза потерять его?! Почему?! Конечно, я мог бы сказать: не с кем было вставать на его защиту. Так думал каждый по отдельности. А в результате получилось коллективное предательство. Не встали мы на защиту нашего общественного строя!

Упоминавшийся выше Критик назвал нас за это поколением предателей. Я тогда возмущался такой оценкой. Особенно меня возмутило утверждение, будто крах советского коммунизма в значительной мере был подготовлен тем, что довоенное поколение (поколение людей,

начавших самостоятельную трудовую жизнь в довоенные годы) было истреблено на фронтах войны, и образовался разрыв между ним и поколением, захватившим инициативу в обществе после войны. А в хрущевские и брежневские годы стали заметно улучшаться бытовые условия. Коммунизм был идеологией низших слоев и нищих, а не сытых и благополучных. Обогащение общества и образование слоев благополучных и даже богатых привело к новому расслоению общества, к смещению системы ценностей в сторону материальных интересов, к росту материальных appetитов высших и средних слоев, в которых тон стали задавать представители поколения предателей. Теперь я вижу, что Критик был прав. Один из самых поразительных парадоксов истории: именно попытки реализации коммунистической идеи изобилия стали основой гибели реального коммунизма. Коммунизм, улучшая материальные условия людей, тем самым готовил своих собственных могильщиков!

Наша личная судьба

Судьба моей семьи характерна для той катастрофы, которая произошла с нашей страной и с нашим народом в результате антисоветского (антикоммунистического) переворота после 1985 года. Первой жертвой стала Жена. Однажды она пришла с работы раньше обычного. Сказала тихо, почти прошептала без всяких эмоций, что ее лабораторию закрыли, результаты двадцатилетних исследований за гроши продали американцам, сотрудникам предложили устраиваться, кто как может. Сказала, что мы все негодяи, мы все совместно совершили коллективное преступление против самих себя, против наших детей, против наших потомков, совершили коллективное предательство. И нет нам никакого прощения за этот смертный грех. Все, что обрушилось на нас, есть справедливая Божья кара.

Все мои попытки напомнить ей истины насчет религии, известные нам со школьной скамьи, на нее никак не действовали. Всю ночь она молча просидела за уже ненужным ей письменным столом. Утром чуть свет она ушла в церковь. После этого ее как будто не стало совсем.

К несчастью Жены добавились несчастья детей. Зять с тысячами других офицеров был уволен из армии. С большим трудом устроился в какую-то частную охрану. Дочь изредка переводит за гроши американские эротические и детективные романы. Предприятие Сына приватизировали. Полностью изменили его профиль. Сына уволили. Он пристроился в полукриминальную фирму. Однажды он заявил мне, что хочет открыть свою фирму. Для этого он хочет продать свою квартиру, а на время, пока не разбогатеет, переселиться к нам. Такая перспектива привела меня в ужас.

– И ты надеешься разбогатеть? – спросил я. – Как?

– По законам капитализма, как утверждает вот эта американская инструкция для начинающих бизнесменов, – сказал он, – за пару лет мой капитал удвоится.

– При капитализме, может быть, и удвоится. Но для этого нужен капитализм. А у нас в России такового нет. Есть лишь преступность под видом капитализма. Об этом пишут все газеты. Неужели ты сам в этом еще не убедился в вашей фирме?!

– Убедился. Но кое-чему и научился.

– Чему? Жульничать?

– Теперь это называется частной инициативой.

Мы сошлись на том, что он продаст свою квартиру, но купит маленькую, похуже и подешевле. Он так и сделал, но стал жертвой мошенников, потерял деньги и запил пуще прежнего.

И вот теперь я сам остался без работы. Хотя моя профессорская зарплата была мизерной по нынешним временам, потеря ее сбрасывает нас с уровня бедности на уровень нищеты. Как жить дальше?!

Почему?

Почему же это произошло? Ведь не было из ряда вон выходящих природных катастроф. Не было больших «горячих» войн. Советский Союз был второй сверхдержавой планеты. Был довольно высокий жизненный уровень сравнительно с большинством стран планеты. И он был гарантирован. Мы ощущали себя лично защищенными. Конечно, преступления были. Но в сравнении с тем, что наступило теперь, это выглядит как нечто незначительное. Я в моем окружении не встречал ни одного человека, который не то что призывал бы, но даже тайно помышлял бы об отказе от советского социального строя. А мое окружение было сплошь фрондерским, «либеральным», насыщенным духом диссидентства. Советский социальный строй считался незыблемым, пришедшим на века. Причем он считался таковым не от сознания мощи его карательных органов (эта мощь ослабла и уже мало кого пугала), а от неосознанного убеждения, что это – наилучший вариант организации общества, гарантирующий удовлетворение некоторых минимальных и фундаментальных жизненных потребностей. В нем можно было жить достаточно комфортабельно, причем с малыми усилиями или даже вообще без таковых. Поговаривали о его демократизации, о «социализме с человеческим лицом». Но никто толком не знал, что это такое. Кто-то понимал это как свободу поездок за границу, кто-то как изобилие предметов потребления, кто-то как допущение огромных гонораров, кто-то как предоставление большей инициативы для предприятий. Но чтобы ликвидировать советскую власть, партийный аппарат, общественную собственность на средства производства и прочие завоевания советского социализма – об этом и речи не могло быть.

Мой дом

В брежневские годы таких домов было построено много. Даже во враждебной западной прессе писали, что по жилищному строительству Советский Союз вышел на одно из первых мест в мире. И внутри все было сделано достаточно хорошо. Вполне комфортабельные квартиры. В постсоветский период такие дома вообще перестали строить. Строят великолепные дома для «новых русских», для банков и частных фирм. Но ничего для «трудящихся» (сейчас это слово произносят с насмешкой и презрением). Сейчас наш дом находится в полуразрушенном состоянии. Хотя квартиры приватизированы, никакого ремонта не делается – слишком дорого. Единственное, что мы осилили, – железные двери в подъездах. Это было продиктовано насущной потребностью хоть как-то защититься от все усиливающейся эпидемии ограбления квартир.

Чтобы попасть в подъезд, надо набрать код и открыть железную дверь. Затем нужно открыть еще одну обычную дверь. В подъезде пахнет мочой. Почтовые ящики поломаны. Стены облуплены и испещрены неприличными рисунками и словами. Лифт часто ломается.

В квартире тоже железная дверь, помимо обычной. Мы получили эту квартиру в брежневские годы. Тогда она показалась нам огромной – целых три комнаты на четверых! Правда, комнатки маленькие – две по восемь квадратных метров, одна – четырнадцать. Но мы были безумно счастливы. У меня с Женой появилась отдельная комната. Одну маленькую комнату мы отдали детям. В большой устроили гостиную. Мы могли регулярно принимать гостей – тогда без этого была немыслима русская жизнь.

Дети подросли. Обзавелись своими семьями. Получили (получили!!) свои квартиры. У нас с женой появились отдельные «кабинеты».

Вся квартира заполнена книгами. Книги везде, даже в коридоре и в туалете. Это было типично для среднего российского интеллигента советского периода. По общему признанию, русские тратили на книги в процентах к доходу больше денег, чем любые другие народы мира. Книга была для нас божеством. Мы были самым читающим народом в мире. Теперь это исчезло. И качественно изменилось то, что теперь читают, – в основном переводную западную макулатуру. Снизилось качество читателя.

Квартира давно не ремонтировалась. Все вещи старые, обветшалые. Но я ни о чем лучшем не мечтаю. Лишь бы это суметь сохранить. А угроза потери есть. Какая-то фирма хочет купить весь наш район, сломать дома (их называют «брежневскими трущобами») и построить на их месте дорогие коммерческие дома «на европейском уровне». И тогда с нами могут поступить так, как это уже не раз делалось в других районах: выселить куда-нибудь подальше, ободрав нас как липку.

Из окна моей комнаты открывается панорама города. Она сверкает бесчисленными позолоченными куполами церквей. Когда начиналась советская эпоха, первым делом строили школы, больницы, заводы. Постсоветская эпоха началась с буйства церковников. Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности – в бездну рабской покорности. Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой современной западнообразной архитектуры, – храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Все пошло прахом. Новый Бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа.

Я эту панораму ненавижу и к окну стараюсь вообще не подходить. А то появляется сильное искушение покончить с постсоветской мерзостью самым простым и доступным способом –

выброситься из окна. И пусть тут творится все что угодно. Пусть тогда идут столетия и тысячелетия. Пусть вымирают одни народы и нарождаются другие. Все равно это чужой и чуждый для меня мир. Моего мира больше нет. И он никогда не возродится вновь. Мертвые не воскресают. Но что-то еще удерживает меня от такого последнего шага в Вечное Ничто. Значит, я еще не испил до дна чашу страдания, положенную мне по праву русского человека.

Наш микрорайон

Наш дом вместе с другими образует замкнутый жилой комплекс, какие стали создавать в конце советских лет. В нем были все обслуживающие учреждения, необходимые для непосредственных нужд жителей. Сейчас они все исчезли. Осталась только школа, вернее, лишь здание школы. Здание прекрасное и в хорошем состоянии. Когда-то во всем мире было признано, что советская система образования лучшая в мире. Теперь ее поливают грязью. Теперь эта школа стала частным лицеем, его показывали по телевидению, причем преподносили так, будто его построили только сейчас. А ведь в этой школе учились мои дети. Учились бесплатно и получили превосходное образование. Поразительно, всем известно, что все, что говорится о советской школе в средствах массовой информации, есть циничная ложь, но никто не протестует против этого. Вообще сейчас присвоение новой системой достижений советского периода и приписывание ему своих дефектов стало настолько привычным, что даже представители старших поколений стали терять историческую ориентацию и способность различать советское и постсоветское.

Прошлое и настоящее

Советский период нашей истории начинался с беспрецедентной заботы о детях и молодежи. Создавались детские ясли и сады, школы, профессиональные училища, техникумы, институты. Ликвидировали беспризорность. Проводилась тотальная борьба с безграмотностью и религиозным мракобесием. Образование, просвещение, медицина, гигиена систематически внедрялись в жизнь миллионов людей. А теперь?! Два миллиона детей не живут в семьях, а скитаются где попало. Более четырех миллионов детей школьного возраста не посещают школу. Религия вытеснила все достижения просвещения за десятки лет советской жизни. Разрушена система возвышенных ценностей. Психика молодежи повернута в сторону материальной корысти, развлекательства, секса, насилия, короче говоря – молодежь направили к тому, против чего боролись десятилетиями.

Школа – обломок советского прошлого. Неподалеку от нее можно видеть достижение постсоветского периода: отремонтированную (т. е. заново построенную) старую церковь. Позолоченные купола и все прочее в «русском» духе. Сам Патриарх открывал... или как там по-церковному?.. освятил. Присутствовали представители высшей и московской власти. Были даже из руководства Коммунистической партии РФ. Народу собралось!.. Если бы столько пришло на защиту Верховного Совета в октябре 1993 года, антикоммунистический переворот провалился бы. Но не пришли. Поразительно! Быть самым образованным и просвещенным народом в мире и ринуться в самое дремучее религиозное мракобесие! Почему?!

– Потому что в церковь идут от отчаяния, – сказала Жена, – а на защиту советской власти не пошли, потому что утратили веру в коммунизм.

– В марксистские сказки о коммунистическом рае не верили никогда, так что утрачивать было нечего, – возразил я. – Дело тут не в этом. Если народ живет хорошо, он не нуждается в религии и церкви. Если церковь процветает, значит народ нищает. Церковь поддерживают искусственно, чтобы обольщать нищий народ. Удерживать людей от размышлений о сути происходящего, от протестов, от бунта.

Я со многим могу примириться, только не с возрождением дореволюционных мерзостей. Я готов большевикам простить все их прегрешения только за одно то, что они избавили народ от религиозного мракобесия. На том месте, где заново построили древнюю (!!) церковь, в советские годы была площадь. В центре ее стоял монумент Ленина, а около него полукругом был сооружен монументальный лозунг «Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!». Когда этот «комплекс» строили, мы острили: мол, мы строим не сам коммунизм, а лишь его лозунг. Тогда это казалось остроумным, поскольку мы уже знали, что изобилие – на капиталистическом Западе, а у нас – дефицит. Сейчас я вижу, что мы строили настоящий коммунизм, а наши остроты были от глупости. В глубине двора, за деревьями, видна помойка. В ней роются не бездомные кошки и собаки, не крысы и вороны, а старики и старухи. Приглядевшись к ним внимательнее, вы увидите, что они не такие уж старые. Просто лица изможденные от голода. Одеты они прилично, в вещи западного происхождения. Сейчас вся Москва одевается в западные вещи. Очевидно, эти «старухи» – просто интеллигентные пенсионерки. На их месячную пенсию, которую они получают нерегулярно, не проживешь и неделю на самом голодном уровне.

Недавно по телевидению показали ужасающее зрелище: оказывается, на помоечных свалках месяцами и годами живет довольно большое число людей. Они соорудили жилища и питаются отбросами. Даже зимой там живут. И даже предпочитают зиму, так как зловония и крыс, с которыми им приходится сражаться, меньше. Живут семьями, рожают детей. Дети, конечно, в школу не ходят. У них свои социальные порядки. Боже, можно ли было каких-то двадцать лет назад даже помыслить, что в России возможно нечто подобное?! Ведь с нищетой в совет-

ской России давно было покончено, казалось, навсегда. И вот в конце двадцатого столетия мы оказались отброшенными в прошлое... на сколько веков? А что, если в пучину бесконечности прошлого?!

И одновременно в Москве идет интенсивное строительство новых великолепных домов для благополучных слоев. Лучшие районы вокруг Москвы стремительно застраиваются роскошными виллами для новых богатых. О таких виллах в советское время не смели мечтать даже высшие слои номенклатуры. Сейчас Москва по числу сверхбогатых людей обставила крупнейшие западные города. А те денежные траты, которые позволяют себе на Западе наши «новые русские», потрясают издававший виды такого рода Запад и стали предметом насмешек и издевательств.

Время от времени на наш район происходит нашествие бомжей. На них устраивают облавы и куда-то увозят, но они появляются вновь. Собственно говоря, железные двери в подъездах устроили не столько от воров, сколько от них. Теперь не только высшие слои стремятся отделиться от прочего населения территориально и «железными занавесами», но и средние слои – от низших. Уже сложилась психология и идеология презрения и ненависти высших слоев к средним и средних к низшим. Никакого сострадания к несчастьям низших слоев нет. В них теперь все видят главную угрозу своему благополучию.

В парке постоянно валяются пьяные. Каждое утро подбирают несколько умерших от перепоя или от отравления, несколько убитых и более десятка избитых и ограбленных. Почему именно тут? В милицию давно сообщали о существовании алкогольного притона, в котором круглые сутки нелегально и втридорога продаются алкогольные напитки самого худшего качества и фальсификаты. Наконец устроили облаву. Арестовали банду из нескольких десятков человек. В основном – из лиц «кавказской национальности». Нашли склады зелья, достаточные, чтобы спить миллион москвичей. Пару недель было спокойно. Потом началось все заново. Какие-то высшие силы решили: пусть лучше спиваются, лишь бы не лезли в политику. Все равно излишнее население кормить нечем. А только за счет снижения рождаемости и ранней смертности из-за алкоголизма русское население за 20 лет можно сократить настолько, насколько оно было сокращено в войне 1941–1945 годов. Народ умышленно спаивают! Россия наводнена алкогольными напитками. Причем какими! Какая часть из них просто яд?! Потери русского народа как биологического явления не поддаются учету. Болезни, несчастные случаи, сокращение рождаемости и т. д., – все это в огромной степени способствует вырождению русских. Как остановить этот процесс гибели народа, никто не знает. Зато есть немало таких, кто хорошо знает, как углубить, расширить и ускорить этот процесс. И они действуют!

Зримые черты будущего и пережитки прошлого

В книге одного выдающегося советского философа было написано: Гегель одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее, между ними же было мрачное прусское настоящее. Вот и мы, подобно Гегелю, одной ногой стоим в коммунистическом прошлом, другой ногой приветствуем западное будущее, а между ними имеем мрачное постсоветское настоящее. Наши мыслители называют это переходным периодом.

В советские годы были в ходу выражения «родимые пятна (пережитки) капитализма» и «зримые черты коммунизма». Устраивали, например, субботник. Потом на собрании, посвященном его итогам, секретарь партбюро говорил о нем как о зримых чертах коммунизма: работали добровольно (попробуй не приди!) и безвозмездно (в основном валяли дурака). Поскольку в мероприятии имели место отдельные недостатки (несколько сотрудники перепились и устроили дебош), в том же докладе секретарь партбюро называл их родимыми пятнами капитализма. Потом мы хохмили по этому поводу: при капитализме – сплошное пьянство, а при коммунизме нам вообще не будут платить зарплату, так как деньги исчезнут и платить будет нечем.

Теперь почему-то не говорят о зримых чертах западнизма (или посткоммунизма) и о родимых пятнах (пережитках) коммунизма.

Зримые черты посткоммунизма

Раньше у нас был обширный круг хороших знакомых, можно сказать – друзей. Было около тридцати семей, с которыми мы годами поддерживали добрые отношения. Потребности в «домашнем» (внезабочем) общении были удовлетворены сполна. Теперь этот феномен «домашних» объединений исчез. Оказалось, что он был специфически советским. Для него нужны были люди со сходным уровнем и типом культуры, с обеспеченным материальным положением, без особых карьеристских склонностей, до известной степени удовлетворенных своим положением в обществе. В Москве такой слой был довольно значительным. Я его очень ценил. Это было в некотором роде наше «светское общество». И вот, повторяю, он как-то незаметно испарился. Стали сокращаться встречи, отпадать по тем или иным причинам старые знакомые и друзья. Для меня это ощутимая потеря.

Мои собеседники

Сейчас я время от времени общаюсь с двумя людьми. Один из них – Критик, о котором я уже упоминал. Другого я называю для себя Защитником. Эти прозвища отражают их роли в советские годы. Критик критиковал советский социальный строй, Защитник – защищал. Критик считался диссидентом, саживал в сумасшедшем доме, в тюрьмах и в лагерях. При Горбачеве его освободили, реабилитировали, дали квартиру в нашем доме взамен отобранной, стали вроде бы возвышать. Но он обрушился на «перестройку», и его вычеркнули из публичной жизни. Живет на мизерную пенсию и случайными заработками. Изредка печатается во второстепенных газетах и журналах, каких теперь великое множество.

Защитник – бывший работник ЦК КПСС среднего ранга. После ликвидации КПСС и самоликвидации аппарата ЦК он, как все прочие работники аппарата партии, приватизировал за гроши великолепную квартиру в доме ответственных работников ЦК и дачу в районе для этих работников, которые (квартиру и дачу) он получил бесплатно. Квартиру продал какому-то новому богатею, купил по квартире сыну и дочери, а себе с женой купил квартиру в нашем микрорайоне. После этой операции он сохранил приличную сумму, на которую может жить безбедно. Думаю, что у него были и остались и другие источники доходов. Значительную часть времени он проводит на даче. Когда положение успокоилось, он устроился в правление одного из банков. Аналогично пристроились в тепленьких местечках и прочие бывшие аппаратчики.

Защитник – типичный пример; его история объясняет, почему работники партаппарата без всякого сопротивления «разошлись по домам» после того как Горбачев подписал бумажку о самороспуске ЦК КПСС и партии вообще: их просто купили, дали им по жирному куску собственности и обеспечили должностями в новой организации власти и экономики. Их несколько потеснили и понизили, но они так или иначе зацепились в среднем и даже высшем слое.

Защитник работал в ЦК КПСС в отделе, который занимался диссидентами и критиками советского общества («режима»), включая Критика. И вот судьба свела в одну категорию совков – людей, в недавнем прошлом бывших врагами. Защитник уклоняется от встреч с Критиком. На мой вопрос «почему?» он ответил, что он и Критик были «по разные стороны фронта» и он переступить через это не может.

– Но ведь у таких людей, как Критик, были основания для оппозиции к «режиму», – сказал я.

– Были, – сказал Защитник. – Но дело не в этом.

– А в чем?

– В интересах страны. Эти интересы были важнее диссидентской возни, спровоцированной Западом. А мы проявили к ним непростительную мягкость. Либеральничали.

– А что надо было сделать?

– Уничтожить как «пятую колонну» Запада.

– Если бы советские власти проявили твердость и решительность в борьбе с диссидентством и критиканством, советский строй мог бы уцелеть?

– Вне всякого сомнения!

– Так почему же они этого не сделали?!

– Были дураками и трусами.

– Значит, в августе девяносто первого года надо было стрелять по тем, кто собрался с Ельциным у «Белого дома»?

– Конечно! Эта мразь разбежалась бы после первого же выстрела. И Советский Союз получил бы как минимум двадцать лет передышки.

Сейчас различить позицию Критика и Защитника трудно. Во многом первый выступает теперь как защитник советизма (коммунизма), а Защитник – как критик. Критик считает коммунистов предателями и шкурниками. Говорит, что они боролись с диссидентами, потому что позавидовали их славе на Западе и подачкам, какие те имели от западных хозяев. Они украли у диссидентов их историческую роль и сами навредили стране неизмеримо больше, чем диссиденты. И тоже не испытывает желания завести знакомство с Защитником.

В одну из встреч с Критиком я высказал недоумение по поводу быстроты и легкости краха советского социального строя (советского коммунизма, советизма).

– Быстрота и легкость тут относительные, – сказал Критик. – На это ушло почти полвека холодной войны. Запад потратил средств много больше, чем на войну с Германией. В борьбу против нас были вовлечены огромные интеллектуальные силы Запада. В нашей стране происходила эволюция. Изменилась социальная структура населения. Назревала кризисная ситуация. Менялось моральное, психологическое и идейное состояние людей. Борьба шла с переменным успехом. Перевес сил Запада сработал не сразу. Но все закономерно. Удручает тут другое.

– Что именно?

– Не столько сам факт краха, сколько то, как он произошел. А произошел он именно по-русски. Как-то несерьезно, пустяково. Никаких битв. Никаких выдающихся подвигов и жертв. Как бы между прочим, бездумно. Какие-то интеллектуальные ублюдки и моральные подонки без всяких усилий на глазах у всех, при всеобщем попустительстве и равнодушии, в течение нескольких лет разрушили то, что создавалось десятилетиями, создавалось всем многомиллионным народом, создавалось ценой титанических усилий и огромных жертв, создавалось лучшими умами из народа и высоконравственными гражданами.

То же недоумение я высказал в разговоре с Защитником. Его слова по этому поводу меня поразили.

– Тут проявились черты характера нашего народа, – сказал он. – Великая историческая миссия оказалась нам не по силам. Да и враги наши оказались не дураками. Они правильно нащупали самые уязвимые звенья в советской системе.

– Какие?

– Снизу – уровень бытовых благ. Соблазн бытовыми пустяками. Грубо говоря, падение нашей страны началось с туалетной бумаги. Потом пошли западные предметы одежды, питания, мебели, фильмы, книги, туристические поездки и прочее. Вы же сами помните, как мы все это переживали.

– А сверху?

– Аппарат КПСС. Высшее партийное и государственное руководство. Силам Запада, которые вели холодную войну, удалось провести на пост Генерального секретаря ЦК КПСС своего человека – Горбачева. Он развалил партийный аппарат. Началась цепная реакция распада всей системы власти и всеобщей социальной системы.

– Неужели партийный аппарат был настолько слеп?!

– И слепота была, но не только. Вы же сами знаете, что основными мотивами поведения аппаратчиков были не преданность идеалам коммунизма и патриотизм, а корысть и карьеризм. Материальные блага, какие они приобретали в качестве работников партийного аппарата, не делали из них самоотверженных борцов за партию, государство, страну, народ. Появление среди них Матросовых, бросающихся грудью на вражеские пулеметы, было исключено. Вполне естественно, они бросились устраивать свои делишки, наплевав на партийный аппарат, на партию, на страну, на народ. Не забывайте, самые активные и влиятельные из них пришли к власти с Горбачевым. Не один же Горбачев начал погром советской системы! Он лишь возглавлял погромщиков.

– А как поступили вы?

– Как и все в аналогичном положении. А вы?

– Вы правы. Я тоже поступал, как все в аналогичном положении. Разумеется, аналогичном моему.

– И поведение людей вашего уровня и положения сыграло гораздо более важную роль, чем поведение верхов.

После таких разговоров у меня голова идет кругом. А ведь я довольно начитанный в отношении социальных проблем человек. Что же творится в головах других?!

Признание Критика

– Ничего страшного в вашем смятении мыслей нет, – сказал Критик. – Оно означает, что вы встали на правильный путь познания реальности. Он начинается с накопления проблем, сомнений, возмущений, ломки предрассудков. Если бы вы знали, что творилось со мной, когда мне открылся мир, совершенно отличный от навязывавшихся нам представлений! И не надо противиться этому. От яда познания спасения нет.

– Слишком поздно я вкусил его. Знаете, сколько мне лет?

– Догадываюсь. Конечно, начав в таком возрасте, вы научиться делать значительные открытия не сможете. Но за пару лет вы сможете научиться понимать значительные открытия, уже сделанные кем-то другим. Это я вам гарантирую!

– А для чего нужно это понимание? От него легче не становится, наоборот. Чем внимательнее приглядываешься к происходящему, тем тяжелее жить.

– А вы можете оказаться от этого приглядывания к происходящему?

– Вряд ли.

– В таком случае относитесь к пониманию как к чему-то такому, что имеет ценность само по себе.

– Вы именно так относитесь ко всему тому, что сделали в познании социальных явлений?

– Я не сразу, конечно, выработал такое отношение к познанию. На это ушло много лет. Но я был слишком молод и совсем один. Когда я в конце концов убедился на личном опыте, что чем лучше ты понимаешь реальность, тем меньше ты нужен людям, наступило облегчение. И я пошел вперед в познании один, не думая о том, идет кто-то со мной или за мной или нет. Одиноким путником далеко идет, как гласит восточная мудрость.

Зримые черты западнизма

Покинув институт в тот день, когда мне заявили об увольнении, я вдруг понял, что не просто потерял привычное место работы и источник заработка, а нечто неизмеримо большее – коллектив. Пожалуй, это самая большая потеря для совка. Легче пережить потерю друзей и родственников, чем коллектива. Только теперь я понял (вернее, осознал), что душа совка – в его приобщенности к жизни коллектива. Вовлеченность в жизнь коллектива во всех аспектах бытия – вот что, оказывается, было основой нашей жизни. И вот этого величайшего завоевания советской эпохи больше нет!

Я стал замечать это, еще когда работал в институте. С началом горбачевской «перестройки» стало происходить в жизни института что-то такое, чему я не находил названия. Нечто вроде загнивания. Были те же помещения, студенты, преподаватели. Все вроде оставалось тем же самым, что и раньше. Но исчезало самое главное: организация людей в едином коллективе, коллективное самосознание, коллективная психология, коллективное поведение. Потеряли смысл партийная и комсомольская организации, собрания, совещания, отчеты и прочие компоненты целостности коллектива. Оставалась еще инерция советской коллективности, еще смутная надежда на то, что такое состояние временное, что вот-вот произойдет чудо, нас всех соберут в актовом зале, зачитают некое письмо высших инстанций и опять все вернется на круги своя. Но, увы, ничего такого не случилось. Надежда пропала. Тоненькая ниточка, связывавшая меня с прошлым, оборвалась.

Основное содержание жизни совков составляло все то, что они делали в своих первичных коллективах и через них. Мы не придавали этому значения, поскольку считали это само собой разумеющимся и незбылемым. Многие советские эмигранты признавались, что страдали, лишившись советских коллективов. Но они были исключены из коллективов, которые продолжали жить без них, и у них оставалась потенциальная принадлежность к мыслимым (потенциальным) коллективам. А тут произошло нечто более страшное: люди остались дома, а коллективы вдруг исчезли. Эмигранты пережили личную драму. А тут произошла трагедия целого народа: его лишили основного условия его бытия, его естественной среды бытия, и он оказался обреченным на историческую гибель. С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу и сказали: вот вам освобождение от коммунистической воды, наслаждайтесь демократической сушей! Вот мы и «наслаждаемся»!

Я шел мимо бесчисленных учреждений и предприятий – деловых клеточек постсоветской России. В них работали люди. Но это уже не были коллективы, какими были советские деловые клеточки. Это были опустошенные деловые машины, очищенные от всего того, что составляло суть жизни совков. И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей, а их движения стали казаться лишь имитацией человеческой жизни. Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем.

Разрушение советских коллективов – самая глубокая болезнь нашего народа. Поразительно, что оно произошло без сопротивления и почти незаметно. Никому не пришло в голову, что это станет основой всего прочего беспредела. Человек тем самым освобождался от самого глубокого контроля – от контроля своего ближайшего окружения.

Я только теперь осознал, что вся затея с приватизацией была направлена фактически на разрушение коллективов и коллективизма. Убито общество коллективов, коммун.

Страшно от того, что это произошло на моих глазах и я пальцем не шевельнул, чтобы помешать этому.

Что имеем – не жалеем, потеряем – плачем. Как же мы потешались над явлениями нашей коллективной жизни! Стремилась уклониться от собраний, от субботников и других меропри-

ятий. А теперь я мечтаю поучаствовать хотя бы в одном таком мероприятии, почувствовать себя одним из членов гигантской семьи-коллектива, послушать свежие анекдоты, поболтать о всяких пустяках, пофлиртовать с сотрудницами, выпить с коллегами, потанцевать на вечеринке, выехать за город за грибами или просто на пикник, поучаствовать в спортивных соревнованиях или самодеятельности, посмеяться над карикатурами в стенной газете, получить благодарность или даже премию к празднику. Боже, неужели все это кануло в Лету и не вернется никогда?! Какие же мы были идиоты, проморгав все это!

Разговаривал с Критиком о советских коллективах и об их разрушении. Он сказал, что тут лежит самое глубокое различие коммунизма и западнизма. Коммунистические клеточки максимально заполнены социальным содержанием, т. е. всем тем, что непосредственно не есть часть деловых функций клеточек (партийная, молодежная и профсоюзная организации, ответственность коллектива за индивида, воспитание членов коллектива и т. д.). Западнистские клеточки, наоборот, максимально очищены от всего этого. Все социальное, не относящееся к деловым функциям клеточек, вынесено во вне и образует в масштабах человеческого объединения то, что называют гражданским обществом, гражданской демократией. Разрушение промышленных предприятий и колхозов есть не просто разрушение экономики страны. Это разрушение фундамента коммунизма. **СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПРИВАТИЗАЦИИ** – не экономика, а разрушение коммунистических коллективов.

Приватизация

– Неужели нельзя вернуть то, что еще совсем недавно воспринималось как нечто само собой разумеющееся?!

– Думаю, что невозможно, – сказал Критик. – Приватизация деловых клеточек в корне изменила все основные аспекты нашего образа жизни. Изменилась вся социальная структура населения. Изменился состав множества клеточек (т. е. дел, которыми занимаются они), их внутренняя структура, управление, взаимоотношения между клеточками и клеточек с властями и т. д. Достаточно неделю походить по Москве и посмотреть рекламы и вывески, посмотреть газеты и деловые телевизионные передачи, включая рекламу, разборки всякого рода конфликтов, обсуждения законов и разоблачение преступлений, чтобы своими глазами и на конкретных фактах заметить эти фундаментальные перемены.

– И этот процесс уже необратим?

– Пожалуй, необратим. В одной Москве много сотен тысяч (!) частных предприятий. А сколько людей уже вовлечено в их жизнь?! Миллионы. Многие ли из них согласятся добровольно стать государственными служащими?! Да и у государства нет средств обеспечить их работой. Уже сложилась иерархия частных собственников. Она приобрела такую силу, что ни о какой переделке социальной организации теперь и речи быть не может. Она стала привычной, воспринимается как некая норма, поддерживается властью и оправдывается идеологически.

– И никогда не возникнет потребность ликвидации частной собственности на средства производства и частного предпринимательства?

– Она существует постоянно. Другое дело – сила и возможности ее проявления и формы проявления. В силу законов социальной эволюции, частная собственность и предпринимательство будут преодолены, но на пути возникновения сверхсобственности и сверхчастного предпринимательства, которые в снятом виде будут содержать в себе частную собственность и частное предпринимательство. Тенденцию к этому можно наблюдать в западном мире уже сейчас.

О том, что приватизация сыграла роковую роль в истории нашей страны, говорит и Защитник.

– Встав на путь приватизации, русские подписали себе смертный приговор как народу историческому, – сказал он.

– Но ведь это было ясно заранее, – говорю я, – Так почему же пошли на это?!

– Те, кому это было ясно заранее, утратили влияние на умы масс и на политику. А те, кто принимал решения, либо не понимали, либо умышленно стремились к тому, к чему вела приватизация. Они теперь решают судьбу страны. Они не остановятся до тех пор, пока приватизировать будет вообще нечего.

– Но ведь этому надо противиться!

– Как?! Многие этому противятся. Коммунисты, аграрии. Демонстрации бывают. Забастовки. Вы же сами все это видите по телевидению. Все газеты печатают. А что толку?! Момент упущен.

– Может быть, еще представится шанс?

– Возможно. Например, будут выборы президента. Новый президент, если он придет к власти при поддержке большинства населения, может поставить вопрос о пересмотре итогов приватизации. А пойдет ли он на это? Вернее, позволит ли Запад пойти на это?

– Неужели мы в такой степени зависим от Запада?!

– А вы сомневаетесь в этом?!

СЫН

– То, чем ты занимаешься, – спросил я Сына, – связано как-то с твоей советской профессией?

– Конечно, – сказал он, – меня и держат как хорошего специалиста.

– Чем отличается твоя работа от советского периода?

– Во всем. В двух словах не объяснишь. В профессорской работе перелом не так заметен, как в том, что теперь называют бизнесом.

– Делом!

– Нет, именно бизнесом. Слово «дело» – нейтральное. А слово «бизнес» несет социальную нагрузку. Оно обозначает нечто такое в деле, чего не было в советские годы. Тогда мне достаточно было просто быть хорошим специалистом и честным работником, чтобы быть уверенным в незыблемости моего положения и постепенной деловой карьере. Я мог и «рвануть» сразу через ряд ступеней. Но я не хотел, ты помнишь это.

– Конечно. Ты не был карьеристом.

– Теперь я ни в чем не уверен. Сегодня я в цене. А завтра буду не нужен. Поэтому для уверенности и стабильности положения я должен выходить сам в категорию хозяев или в число мафиозных боссов. А то и другое равносильно отказу от профессии.

– А уйти в науку? Ты же способный...

– Специалисты покрупнее меня выброшены из науки и зарабатывают на жизнь черт знает чем. Так что нас вынуждают либо к частному предпринимательству, независимому от профессии, либо к преступлению.

– Если мне не изменяет память, ты когда-то весьма критически оценивал положение в твоей отрасли и восторгался организацией дела в Америке.

– Было такое. Дурак был. Что я тогда понимал в западном бизнесе?! Ты ведь тоже критиковал наши порядки!

– Приходилось. Но кто тогда понимал, что наши недостатки были продолжением наших достоинств?!

Зримые черты западнизма

Позвонил бывший коллега по институту. Сказал, что он совместно с рядом бывших профессоров создает исследовательский центр, который будет выполнять заказы частного бизнеса.

Я спросил, что требуется от меня. Он сказал, что я должен инвестировать в это предприятие свой пай. И назвал довольно большую сумму. Я сказал, что у меня таких денег нет. Он сказал, что можно взять кредит, заложив или продав дачу. Я сказал, что у меня нет дачи. Он не поверил и после этого мне больше не звонил. А дачи у меня в самом деле нет и не было, причем из принципиальных соображений: мы предпочитали не связывать себя дачей и проводить отпуска по путевкам или «дикарями». И тогда это было возможно и нам по карману. В последние советские годы началась эпидемия дачеприобретательства – предшественник нынешнего частнособственнического сумасшествия. Мы как-то выпали из этого потока реальности.

В центр Москвы я выбираюсь редко. Выбираюсь как будто в лагерь врагов. Новые непривычные названия улиц, напоминающие о гнусном прошлом России, о царизме, религиозном мракобесии, купцах, крепостниках, жандармах. Позолоченные купола церквей. Вывески и рекламы частных фирм. Здания банков. По-заграничному одетые и наглые «новые русские». Бесчисленные иностранцы и представители «южных национальностей» (азербайджанцы, чеченцы, осетины, азиаты). Бесконечные потоки автомашин мировых марок. Мне становится тошно от всего этого. Москва превратилась в махровое церковно-самодержавное русское захолустье и одновременно в международный центр типа Гонконга, глубоко враждебный всему национально-русскому. Антирусское содержание в подчеркнуто русском (вернее, псевдорусском) облачении. Москвичи к этому привыкли и не замечают тут никакого противоречия, как не видят нелепости в памятнике полководцу войны самолетов и танков Жукову верхом на игрушечной лошаденке с задраным хвостиком. И подобную противоречивость и нелепость я вижу во всем – в политике, в экономике, в идеологии, в культуре. Все какое-то убудочное, неполноценное, чужое.

Мой путь от станции метро до института проходит по улице, которая в советское время носила имя какого-то революционера (не могу вспомнить, какого именно), а в постсоветское стала называться именем какого-то святого (не могу запомнить какого). Улица теперь выглядит так, что трудно поверить, что ты в Москве, а не на каком-нибудь Бродвее. Шикарные витрины с западными вещами, здания из стекла и стали, рекламы. И всюду – английские слова.

Вот одна гигантская реклама предлагает необычайно эффективные, самые современные, апробированные в США средства сбрасывания в кратчайшие сроки излишнего веса. В одном американском журнале я прочитал, что в США сложилась целая отрасль индустрии сбрасывания излишнего веса. В ней функционирует капитал более 100 миллиардов долларов. Это в четыре раза больше, чем весь государственный бюджет Российской Федерации на этот год. Недавно около этой рекламы упала в обморок от голода женщина. Кто-то успел случайно сфотографировать эту сцену. Фотография появилась в газетах. В одной газете (по всей вероятности, оппозиционной) был задан вопрос: сколько нужно миллиардов долларов, чтобы ликвидировать недостающий вес российского населения.

А вот другая реклама. Предлагается провести отпуск на лучших курортах планеты, на которых отдыхают кинозвезды, члены королевских семей, видные политические деятели, богатейшие бизнесмены. Мне, профессору, нужно пять лет откладывать зарплату, не трата из нее ни копейки, чтобы отдохнуть на таком курорте неделю.

И опять невольно напрашивается сравнение с тем, что было в советский период. Конечно, мы не имели возможности летать на Канарские и Балеарские острова. Но мы имели дешевые и даже бесплатные для многих дома отдыха и санатории, какие были в изобилии по всей

стране. Сейчас они кажутся сказочными. Они и на самом деле были вполне приличными даже по западным меркам (это признавалось и на Западе). Только мы их не ценили должным образом, ибо и их воспринимали как нечто само собой разумеющееся. А ведь в этих советских домах отдыха и санаториях большинство отдыхающих были из низших и средних слоев населения.

Из реклам на одной только этой улице можно узнать, что в Москве появились все соблазны западного мира. Но какой ценой? Ценой потери всего того, что мы имели в советский период без всяких реклам. Нас, десятки миллионов русских людей, ограбили в пользу немногих ловкачей и предателей, получивших доступ к западным благам.

Самоубийство народа

Первое, что я увидел, добравшись до своего дома в тот день, когда стал безработным, были роющиеся в помойке пенсионеры. Глядя на них, я вдруг осознал самую страшную в моей жизни истину: мы как единый, целостный народ совершили историческое самоубийство.

Множество людей, считающих себя русскими, живет и еще долго будет жить. Но народ не есть всего лишь множество отдельных людей. Народ есть целостный живой организм. И как таковой он покончил с собой. Когда отдельный человек кончает жизнь самоубийством, это не значит, что все его клеточки, ткани, органы и части тела по отдельности кончают жизнь самоубийством. Приказ прекратить жизнь отдает небольшой кусочек мозга. Выполняет этот приказ небольшая часть человеческого организма. А погибают в конце концов все клеточки, все ткани, все органы, все части тела.

Так и с целым народом. Лишь ничтожная часть народа осуществляет операцию самоубийства, ставя весь народ в такое положение, что он умирает как целостный организм. В отличие от отдельного человека, умирание народа может растянуться на много лет, десятилетий и порою столетий, Но для истории и это время – лишь миг.

Я сейчас осознал, что основная операция самоубийства моего, русского, народа уже совершена, и конечный результат предрешен, причем его легко предвидеть. Я думаю, что это почувствовали уже миллионы моих соплеменников, и это предчувствие уже породило состояние всеобщего уныния.

Народ доживает свой век в состоянии глубочайшей и неизлечимой депрессии. И ужас этого состояния многократно усилился от сознания того, что нас насильственно толкнули на самоубийство, умело направили на этот путь. И мы не устояли, поддались этому трагическому соблазну.

Дома

Пришла Жена. Сообщил ей об увольнении. Она ничего не сказала по этому поводу, как будто ничего не случилось. Я предложил ей поесть. Отказалась. Она теперь вообще почти ничего не ест. Исхудала. Предложил показаться врачу. Говорит, в районную больницу идти бессмысленно, а в платную нам не по карману. Да и зачем?! Годом раньше, годом позже, не все ли равно. Впереди пусто. Так стоит ли суетиться?!

Жена ушла в свою комнату. Я остаюсь один. Наваливается тоска. Думаю, кому бы позвонить. Перебираю в памяти знакомых и не нахожу никого, на ком стоило бы остановиться. Никого! Это очень странно, даже страшно. В телефонной книге записаны десятки имен, а поговорить не с кем.

Вспомнил о телевизоре. Он вызывает у меня отвращение. Чужие, на редкость противные голоса. Нарочито искаженный язык. Бесконечные американизмы. Искусственные голливудобразные эмоции. Западные пустые фильмы, особенно американские. Порнография. Смакование грязи и насилия. Антисоветские помои. Реклама, реклама, реклама. Карикатурное подражание западной. Интеллектуальное убожество и нарочитая развязность политических обзоров. Истошные вопли современных певцов.

Я плююсь и выключаю телевизор. Задаю себе вопрос: почему новые поколения в этой интеллектуальной, эмоциональной и моральной помойке чувствуют себя как рыба в воде? Вывод напрашивается сам собой: ты отжил свое, твой мир больше не существует, твоя эпоха ушла в прошлое и не вернется никогда. Ты тут просто неуместен. Время исчезнуть в Вечное Ничто. Жена права.

Но проходит час, и какая-то сила толкает меня вновь к телевизору. Появляется страх, что я пропущу что-то очень важное. Мой страх никогда не оправдывается, и через несколько минут я начинаю опять плевать и выключаю телевизор. Но ненадолго. Этот проклятый ящик обладает силой притяжения, сопоставимой с силой тяготения. Думаю, что это одно из самых страшных изобретений человечества. Его разрушительное воздействие на род человеческий еще совсем не осознано. Будет ли это когда-нибудь сделано? Сомневаюсь.

Побродив по квартире, постояв минуту перед закрытой дверью жены, бросаюсь опять к телевизору. Попрыгав по программам, останавливаюсь на передаче о разоблачении международной преступной организации, поставившей девочек из России в качестве проституток в страны Западной Европы. Организация за три года ухитрилась переправить из России на Запад более трех тысяч (!) девочек от 14 до 18 лет. Работа организации была налажена идеально. Телевизионная реклама с участием красивых актрис, изображающих проституток и прославляющих их «романтический и высокооплачиваемый» труд. Вербовщицы, разъезжающие на шикарных машинах по русским городам и поселкам и раздающие альбомы с видами лучших курортов мира, где предполагается работа девочек. Красивые и здоровые девочки, обслуживающие в чем мать родила посетителей в роскошных ресторанах и игорных домах и дающие интервью о том, как богато и интересно они живут. Оформление выездных документов в западные страны. Большое число работников консульств, полиций и пограничных служб щедро оплачивалось за услуги преступной организацией. Затем показали фактическую жизнь и «работу» девочек. От вида этой реальности волосы встают дыбом. Спали по 20 человек в комнате без кроватей и постельного белья. Впроголодь. Без документов. Без обычной одежды – им выдавали только «рабочую» одежду, да и то лишь на время. Постоянный контроль. Отбирались все вырученные деньги. Избиения, издевательства. Девочки доводились до полного отупения, до состояния безмозглых животных. А бандиты наживали огромные деньги, подкупая сотни чиновников, которые по службе должны были бороться с этим. Но все они даже гордились своими делами, поскольку речь шла о разложении и уничтожении русских недочелове-

ков. Разоблачение произошло вовсе не потому, что органы правопорядка стремились и прилагали усилия к этому, – им было все известно заранее, – а потому что, как обычно, две банды не поделили зоны действия и конфликт кончился убийствами. Бандитов было убито несколько человек, а девочек убили несколько десятков, чтобы скрыть следы преступления.

Такого рода «разоблачения» происходят довольно часто. Но делается это не с целью воспитания и в назидание другим, а как приносящие прибыль зрелища, наподобие американских фильмов ужаса.

Депрессия

Раньше в России душевная депрессия была почти неизвестна. Во всяком случае, я не знал ни одного случая, чтобы из моих знакомых кто-то болел ею. А теперь все мои старые знакомые жалуются на депрессию. Это болезнь сугубо социальная, специфически постсоветская. Мои знакомые пытаются спастись за счет широко рекламируемых западных лекарств. Стоят лекарства дорого. На первых порах вроде помогают – «заманивают». Потом становится хуже прежнего. Но от лекарств избавиться попробовавшие их уже не могут.

Я пытаюсь выработать свою систему борьбы с бессонницей: тренируюсь, чтобы не думать, прогонять прочь всякие мысли. И делаю это очень просто: как только какая-то мысль зарождается, я твержу про себя: «Не думать, не думать, не думать...» И мысли действительно пропадают или не оформляются отчетливо. Теперь я могу это делать полчаса, а порою целый час. В результате засыпаю на пару часов. Но все равно просыпаюсь в состоянии тревоги.

Вот и сейчас проснулся с мыслью, что оказался в числе тех, у кого нет никакой защиты в этом мире. Никакой! В советское время каждый гражданин имел какую-то защиту в виде коллектива, в котором он работал, в партийной и профсоюзной организации, в комсомоле, в дирекции. А то и выше – в районных организациях, в редакциях газет, во всяких контрольных органах, в различного рода обществах и союзах. И государство охраняло эту систему защиты и самозащиты граждан. Сейчас этой системы нет, она разрушена. Единственной защитой стали деньги. Есть деньги – есть защита, кто бы ты ни был. Нет денег – ты беззащитен.

Конечно, за такую защищенность приходилось как-то расплачиваться. Она сковывала людей в смысле демократических свобод. Но массу граждан это вполне устраивало. Страдали и протестовали исключительные одиночки, отщепенцы, психически больные. Я принадлежал к нормальному большинству. На Запад я не рвался. Печатать что-то запретное не хотел, так как ничего такого не писал. Мои права никто не ущемлял, поскольку я не претендовал ни на что, выходящее за рамки советской законности. Выходит, с точки зрения личной защищенности я оказался в самой пострадавшей части населения России. Я от антисоветского переворота не выгадал ничего, а потерял все. Воспользоваться западными свободами я не могу и не хочу. Они мне вообще ни к чему, как говорится, как рыбе зонтик или корове седло. В условиях советской несвободы я был фактически свободен с точки зрения моих способностей, деятельности и потребностей. Я потерял самое главное – социальные права и социальные гарантии, а также систему личной защищенности. А что я приобрел? Состояние непреходящего ужаса от сознания потери этих прав, гарантий и защиты. И в таком положении оказались десятки миллионов людей. Теперь нам остается лишь одно: мечтать о советском прошлом как о потерянном и больше уже недостижимом земном рае.

Идейное опустошение

Размышляя о таком новом для русских людей заболевании как депрессия, я установил, что одной из причин (если не главной причиной) его является лишение привычной для нас, совков, государственной идеологии. Именно лишение, ибо ее просто отменили, т. е. уничтожили идеологический механизм и лишили марксистско-ленинское учение статуса обязательного для всех граждан. Его даже не критиковали – критика способствовала бы его выживанию.

С ним поступили хуже: сделали вид, будто это чушь, не заслуживающая даже критики. И оно, опозоренное таким презрением, просто сникло и испарилось из сознания людей.

В результате в наших душах образовалась пустота, и в них устремились словесные помои, окончательно затемнившие сознание и лишившие нас идейной ориентации в происходящем.

Каким бы ни был марксизм, он систематизировал наши представления об окружающем мире и о событиях в нашей стране, давал ясную систему ценностей. Каким бы ни было учение о будущем полном коммунизме, оно давало целевую установку всему общественному организму, делало наше историческое бытие осмысленным. Лишив нас идеологии, из нас как будто вынули особый магнит, упорядочивавший наши душевные частички. И мы все оказались душевно больными. Миллионы людей ринулись в православие, сектантство, разврат, алкоголизм, наркотики, преступность. Миллионы впали в душевную депрессию и просто в какое-то отупение.

Проблема будущего

Посмотрев на сверкающие золотом купола вновь построенной древней церкви, вспомнил лозунг, призывавший к коммунизму как будущему человечества. Лозунг разрушили. Это символично: отменили будущее вообще! Будущее похоронили, построив на его могиле церковь из прошлого!

Я и раньше интересовался проблемой будущего. Посещал даже философский семинар. Вел его молодой философ, который потом стал диссидентом, попал в тюрьму и, кажется, там умер или эмигрировал, когда началась эмигрантская волна. Под его влиянием я выдумал свою концепцию социального времени, включая концепцию будущего. Припоминаю ее в общих чертах.

Понятие будущего

Ни в одном сочинении о будущем я не встречал определения понятия будущего. Будущее считается чем-то очевидным и само собой разумеющимся: это то, что будет существовать или происходить после того времени, в которое заходит речь о будущем и которое считается настоящим. Но ясность тут кажущаяся. Можно ли отнести к будущему завтрашний день? А предстоящий год? Или десятилетие? Смотря с какой точки зрения. Тут примитивной очевидностью нельзя удовлетвориться. Тут требуется уточнение понятия.

Надо различать логический (можно сказать – физический) и социальный аспект понятий времени. В первом аспекте предполагаются какие-то эмпирические (наблюдаемые, физические) события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования, осознания и измерения времени, но сами эти события не являются объектами исследования. В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется, но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени. Рассмотрим это на понятиях прошлого, настоящего и будущего.

В физическом аспекте вводятся и употребляются понятия одновременности и последовательности событий во времени (раньше, позже). В разговорной практике, когда говорят о прошлом, имеют в виду события, имевшие место до времени, в которое говорят о прошлом и которое считают настоящим, а говоря о будущем, имеют в виду события после этого настоящего. При этом смысл временных понятий зависит от ситуации. Прошлым может быть вчера, прошлый год, прошлое столетие. Будущим может быть завтра, будущий год, будущее столетие. Настоящим может быть сегодня, текущий год, текущее столетие. В таком словоупотреблении термины времени обозначают именно время. Будем в таком случае говорить о прошлом, настоящем и будущем времени или о физическом прошлом, настоящем и будущем.

Для отношения прошлого, настоящего и будущего в социальном смысле мало сказать, что они следуют друг за другом во времени. Тут предполагается некий эмпирический субъект, который живет во времени, осознает свою жизнь во временном аспекте и как-то учитывает это в своей жизнедеятельности. Таким субъектом является человек и объединение людей, живущее как единое целое. Назовем его социальным субъектом. Для него прошлое, настоящее и будущее – суть его жизнь в различные периоды времени, а не сами эти периоды времени как таковые.

Это его состояния в физическом прошлом, настоящем и будущем. Различия этих состояний определяется не периодами времени, а факторами жизни социального субъекта. Он осознает свою жизнь, используя понятия времени, осуществляя деление времени и измеряя время. Но деление времени этим субъектом на прошлое, настоящее и будущее определяется не часами и календарем, а этими эмпирическими факторами. Оно может совпадать с календарными датами и может специально к ним приурочиваться, но как символическое явление или случайное совпадение. Будем в таком случае говорить о прошлом, настоящем и будущем состояниях социального субъекта или о социальном прошлом, настоящем и будущем.

Исходным для понимания социально прошлого, настоящего и будущего является понимание настоящего. Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это – протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, как будто время есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает настоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о которых он помнит или узнает от других, но которые не принимает в расчет в настоящем, а также по отношению к событиям, которые мыслимы в физическом будущем и с которыми он тоже не считается как с реальностью в его настоящем. Для него настоящее время неразрывно связано с его определенным состоя-

нием, определенным образом его жизнедеятельности. Именно факторы этого состояния определяют границы его социального настоящего в физическом времени.

Социальным прошлым для данного социального субъекта является его состояние в физическом прошлом, которое уже не включается в его социальное настоящее, а социальным будущим – его состояние в физическом будущем, которое еще не включается в его социальное настоящее, но предполагается, что оно придет на смену ему.

Социальное будущее данного субъекта есть результат двух совокупностей факторов. К первой совокупности относятся факторы социального настоящего, материал субъекта и объективные социальные законы. С этой точки зрения, социальное будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего. В этом и только в этом смысле будущее предопределяется настоящим. В этом и только в этом смысле будущее предсказуемо научно с высокой степенью обоснованности.

Ко второй группе факторов, о которых идет речь, относятся такие, которые не зависят от настоящего и не содержатся в нем. Их невозможно обнаружить путем анализа настоящего, поскольку их там вообще нет. От этих факторов зависит то, в какой мере и в какой форме реализуются потенции и тенденции настоящего, как будет жить материал настоящего, в какой форме проявляются объективные социальные законы. В этом смысле будущее не предопределено настоящим и не может быть предсказано научно.

Устремленность во времени

По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается в физическое будущее. Интервал физического будущего, включаемого в настоящее, может увеличиваться. Это означает, что люди все дальше и дальше заглядывают в физическое будущее, все больше в своей жизнедеятельности ориентируются на предполагаемые в будущем события, в наступлении которых они более или менее уверены. Они как бы устремляются в будущее. Для них ход исторического процесса как бы ускоряется. Но возможно и такое, что по мере перемещения социального настоящего в физическом времени граница физического прошлого, включаемого в социальное настоящее, остается той же или сдвигается настолько медленно, что расширение социального настоящего происходит в основном за счет физического прошлого. Ход исторического времени как бы замедляется. Возможно даже такое, что в настоящее начинают включать факторы еще более отдаленного прошлого, и тогда социальное настоящее как бы устремляется в прошлое. Возможно также такое, что у людей вообще не появляется или исчезает отношение к своему социальному бытию как к бытию в социальном времени. Их жизнь при этом есть бытие в бесконечно (в их восприятии) длящемся социальном настоящем. В этом случае возникает ситуация, которую можно считать остановкой исторического времени для данной человеческой общности. Физическое время при этом проходит, но люди не переживают свою жизнь как ориентированную во времени в будущее. Подавляющее большинство народов, живших и живущих на планете, является именно таким.

В том, о чем шла речь, никакого ускорения, замедления, остановки и обратного хода физического времени не происходит. Тут в жизни социальных субъектов происходит нечто такое, что связано с их памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции и избегать новшеств, со способностью предвидеть будущие события и последствия своей деятельности, со способностью считаться с ними в их настоящем. Это происходит в их социальном настоящем, которое может охватывать жизнь множества поколений в течение десятилетий, столетий и порою тысячелетий.

Устремленность в будущее есть не извечное и не всеобщее явление, а сравнительно молодое, исключительное и преходящее. Думаю, что она есть изобретение западноевропейской цивилизации. Запад не всегда был устремлен в будущее. Как и прочие народы, народы западные жили настоящим. Христианская религия вообще снимала проблему будущего как проблему социальную, отнеся ее в сферу загробного бытия и религиозной морали. Практические расчеты не выходили за рамки жизни в настоящем. Начало ориентации Запада на будущее относится, по всей вероятности, к эпохе Возрождения, когда будущее как фактор социальный было из сферы потустороннего спущено на землю, в обычную человеческую жизнь в настоящем.

Самого высокого, на мой взгляд, уровня устремленность в будущее достигала в сталинские годы в Советском Союзе. Основная масса населения жила будущим в полном смысле слова. Подчеркиваю, не просто мечтала (мечтали-то не все, и даже не большинство, а немногие!), а именно жила. Весь образ жизни их был построен так, что исследователь, наблюдающий их как независимое от него, объективное явление бытия, должен был бы обнаружить фактор устремленности в будущее (для наблюдаемых людей, а не для исследователя!) как существенный социальный фактор, игнорируя который он не смог бы объяснить поведение этих людей. В послесталинские годы начался спад в этом отношении. К концу брежневского периода этот спад завершился идейным кризисом советского общества и после 1985 года полным идейным крахом. В посткоммунистический период устремленность в будущее вообще исчезла как социально значимое явление. Зато усилилась устремленность в прошлое.

Возврат в физическое прошлое логически (а значит и эмпирически, в реальности) невозможен. Время необратимо: если некоторый момент или интервал времени следует за другим относительно любого способа установления временного порядка событий, то невозможно, чтобы их отношение переменилось на противоположное относительно какого-то способа установления временного порядка событий (отсчета времени). В социальном же настоящем для данного социального субъекта возможно оживление и возрождение явлений, которые считались явлениями социального прошлого, так что эволюция этого субъекта воспринимается как устремленность в социальное прошлое. В XX веке такое явление приняло грандиозные глобальные масштабы как реакция на устремленность в будущее. Произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на устремленных в будущее и устремленных в прошлое. Устремленность в прошлое стала важным фактором жизни в частях человечества, страдающих от западнизации и глобализации. Характерным ее проявлением может служить фундаментализм. В посткоммунистической России она приняла гротескные формы, причем не только как реакция на тяжкие последствия западнизации, но и как реакция на коммунистическое прошлое.

Пережитки коммунизма

В газетах появилось сообщение об образовании политического блока, который намерен выступить на выборах с такой программой: восстановление Советского Союза, советской власти и социализма; отмена приватизации; возвращение собственности народу; восстановление монополии внешней торговли; восстановление гарантированных государством прав граждан на оплачиваемый труд, жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание, защищенное детство и обеспеченную старость; привлечение к судебной ответственности высших государственных и партийных чиновников, предавших СССР.

Я высказал свой восторг по этому поводу Защитнику.

Он рассмеялся:

– Пустые слова. Все, что они хотят восстановить, разрушено до основания. Восстановить в России социализм сейчас невозможно, если вообще когда-нибудь будет возможно. В стране нет сил, способных всерьез бороться за выполнение такой программы. Зато в стране и на Западе имеются в изобилии силы, способные не допустить это.

– Вы вообще отвергаете такую программу?

– Ни в коем случае! Наоборот, я ее приветствую. Только не как программу блока, желающего принимать участие в выборах в парламент, а как программу организации, которая понимает, что такую программу не выполнишь парламентским путем, что для выполнения ее нужна революционная борьба, нужно вооруженное восстание, нужна способность пойти на жертвы.

– Но, согласитесь, позиция мужественная!

– В чем вы усмотрели мужество? Их программу напечатали, никого пальцем не тронули и не тронут. Только я сомневаюсь в том, что их официально допустят до участия в выборах с такой программой. Скорее всего, не допустят.

– Почему?

– Они идут на выборы в парламент с программой изменения социального строя страны, в том числе ликвидации парламента и восстановления власти советов. А это противоречит конституции: парламент обязан сохранять существующий социальный строй. А если даже их допустят до выборов, они не наберут даже одного процента голосов.

– Это означает...

– ...исторический крах коммунизма.

– Вы не хотите реставрации коммунизма?

– Не хочу.

– Почему?!

– Потому что при реставрации возвращаются обычно худшие черты того, что возвращается.

Знать и понимать

Неверно думать, будто мы проморгали переворот потому, что не имели достаточно информации о происходившем, т. е. не знали. Информация имелась в изобилии. Мы проморгали переворот потому, что не понимали его социальной сущности. А не понимали не потому, что не могли понять, а потому, что не хотели понимать. Мы и знать многое не хотели. Суть дела в том, что мы были соучастники переворота. Он произошел с нашего молчаливого согласия и даже в значительной мере при нашем активном участии. Мы пожинаем то, что посеяли сами. И только теперь кое-кто начинает понимать кое-что. «Русский человек задним умом силен», – говорил мой дед. Я, конечно, посмеивался над его «отсталостью». Теперь я сам дед. И говорю слова мудрости моему внуку. И он пока посмеивается надо мной. Пока. Он убежден, что будет учиться в Оксфорде или в «Колумбийке», где учатся дети многих «новых русских» и известных политиков и знаменитостей. Я же не верю в предпринимательский гений сына. Я начал кое-что понимать в сути неизбежных последствий переворота.

Кто виноват

Все вроде бы ясно. И все-таки вопрос «кто виноват в том, что произошло в нашей стране в горбачевско-ельцинские годы?» не дает мне покоя.

– Сложность тут в том, – говорит Критик, – что смешиваются различные аспекты. Во-первых, смешиваются причины и вина. Запад входит в причинный аспект, но он – враг, а не виновник нашего краха. Виноватые – советские (российские) граждане, от которых зависел ход событий. Во-вторых, смешиваются различные понятия вины – индивидуальной и массовой. В начале войны с Германией в сорок первом году немцы разгромили нашу армию. Можно ставить вопрос о причинах поражения – это одно. Можно ставить вопрос о действиях командования армии. Их, кстати сказать, расстреляли, свалив на них вину за капитуляцию. И можно ставить вопрос о поведении массы солдат и офицеров. Огромное число их сдалось в плен без боя, хотя имели оружие, могли воевать. И приказа о капитуляции не было. Потом (после Победы) им это припомнили. Думаю, справедливо. Сейчас ситуация неизмеримо сложнее и грандиознее. Доля вины лежит на многих миллионах граждан. Не хочу махать кулаками после драки. С чувством вины и сознанием соучастников преступления (а я считаю капитуляцию страны преступлением) предстоит доживать жизнь многим. Важно, кто из них и как поступает сегодня. По моим наблюдениям, мало кто стремится искупить свою вину.

– А что могу сделать я для этого?

– Понять произошедшее и происходящее с беспощадной объективностью. Никакого одобрения перевороту, его организаторам и исполнителям, перестройщикам и реформаторам. Никакого соучастия в их деятельности. По возможности сопротивляться им, разоблачать сущность их роли. Одним словом, неприятие того пути, по какому направили Россию, и сопротивление ему.

– А ради чего?

– В этой ситуации вопрос праздный. Раз вас мучает чувство вины, то цель сопротивления в нем самом. Не рассчитываете же вы остановить исторический процесс и строить иную социальную организацию в России?!

Зримые черты посткоммунизма

Вот статья в газете. Газета не «коммунячная», не оппозиционная, а явно проправительственная. Автор – высокопоставленный чиновник из Управления по делам несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Он приводит факты, от которых, по идее, должно было бы содрогнуться все человечество. Но на них почти никто не обращает внимания. Игнорировал такого рода информацию и я. Игнорирует сейчас и российская интеллигенция, в свое время смаковавшая знаменитую «слезу ребенка» Достоевского и умилявшаяся своим высоким интеллектом, гуманизмом, моральностью и... смелостью. Теперь речь идет об океане слез миллионов детей. И к ним привыкли как к чему-то будничному, само собой разумеющемуся.

А факты, приводимые автором статьи, ужасающие. Во всяком случае, я с некоторых пор стал обращать на них внимание и стал переживать как ужасающие. В России за постсоветские годы число детей сократилось на шесть миллионов. Сотни тысяч (если не миллионы) детей школьного возраста не посещают школу. Избиение детей в семьях – обычное дело. Родители продают малолетних девочек развратникам. Детская преступность. Проституция. Наркомания. Голод. Грязь. Болезни. И все – сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч. Я начал собирать такого рода информацию. Сначала я сам не отдавал себе отчета в том, для чего это делаю. Теперь у меня появилась идея подготовить что-то вроде обвинительного документа в отношении тех, кто осуществил антикоммунистический переворот, который я теперь считаю величайшим преступлением в истории человечества.

Мнение Критика

Я рассказал Критику о своем замысле.

– Одним словом, – резюмировал я, – сделать нечто подобное тому, что сделал Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ».

– Замысел похвальный, – сказал он, – только ни в коем случае не нечто подобное «Архипелагу ГУЛАГ». «Архипелаг» есть фальсификация истории. Фальсификация особого рода – концептуальная. Факты, приводимые в нем, по отдельности описаны верно. Но они отобраны, скомбинированы и истолкованы так, что получилась в целом ложная концепция. Не случайно поэтому так раздули Солженицына на Западе. Он стал знаменем и вдохновителем холодной войны Запада против России. Шолохов правильно назвал Солженицына литературным власовцем.

– Как же вы мыслите реализацию моего замысла?

– В основу его реализации должно быть положено объективно научное понимание реальности – советского общества, современного Запада, антикоммунистического переворота, постсоветского социального строя и т. д. Главным должно быть такое понимание. Факты же, которые вы накапливаете в своей памяти, должны стать иллюстрацией общих идей ваших эмоций и стимулов. Информация о фактах имеется в изобилии. Понимания их нет почти никакого. А выработать его – на это нужна целая жизнь.

– У меня такой возможности, увы, уже нет.

– В какой-то мере есть. Несколько лет назад я написал книгу «Русский коммунизм», в которой довольно популярно описал возникновение, социальную организацию, эволюцию и гибель русского коммунизма. Книгу напечатать не удалось.

– Почему?!

– Для публикации нужны деньги. У меня их нет. Найти спонсора с моей репутацией невозможно. Сделайте копию рукописи и используйте ее для первых шагов на пути выработки понимания, о котором я говорил.

Рукопись Критика оказалась довольно большой, а возможности делать копии у меня оказались мизерными. И я решился на отчаянный шаг: переписать от руки фрагменты, которые показались мне наиболее важными. Переписываю ночами. Это помогает легче переносить бессонницу. Жена, увидев, чем я занимаюсь, предложила свою помощь. Похоже, что ее заинтересовало содержание книги. Это меня обрадовало. Иногда мы обмениваемся мнениями.

Русский коммунизм

Начавшийся в 1917 году в России величайший в истории человечества социальный эксперимент закончился. Русский коммунизм погиб. В этой книге я хочу описать его в том виде, в каком он прошел через мой мозг, мою душу и мою судьбу, При этом я буду руководствоваться принципом: «О мертвом либо ничего, либо только хорошее». Это будет не идеологическая апологетика. Просто я хочу воздать должное этому великому феномену истории и выполнить тем самым свой сыновний долг по отношению к нему.

Я называю осуществленный в России коммунистический эксперимент русским, поскольку это происходило на территории России, а основным материалом для него и основным массовым исполнителем служили русские люди. Но это не был узконациональный, этнически русский эксперимент. Он был интернациональным по многим признакам – по идеологии, по составу инициаторов и организаторов, по устремленности, по мировой поддержке, по влиянию на ход человеческой истории. Бесспорно, идеи коммунизма и активисты их реализации были занесены в Россию с Запада или прошли там соответствующую школу. Но в России они нашли благоприятную почву. Именно тут коммунизм развился в явление мирового и исторического масштаба.

Я буду употреблять также выражения «русский коммунизм» и «советский коммунизм», имея в виду тот социальный строй, какой был построен в России (в СССР) после революции 1917 года.

Во всех известных мне сочинениях о коммунизме произвольно или умышленно смешиваются самые различные явления, – домарксовский коммунизм, марксовский проект коммунизма, марксистско-ленинское учение, марксистская идеология в реальном коммунистическом обществе, исторически конкретная форма коммунизма в Советском Союзе и других коммунистических странах, черты реального коммунизма в конкретный период истории, коммунизм как тип социальной организации и многое другое. Все, написанное и сказанное о коммунизме в советский период в Советском Союзе и на Западе, не имеет ничего общего с научным подходом как к учению о коммунизме, так и к реальному коммунизму. А после разгрома советского коммунизма на Западе и в бывших коммунистических странах началась такая оргия извращения всего, что касается коммунизма, что ни о каком научном подходе к нему в официальной науке и речи быть не может.

Исследователь, которому каким-то чудом удается пробиться к научному подходу к социальным объектам, сталкивается с целым рядом трудностей при попытке реализовать этот подход в отношении коммунизма. Последний просуществовал в Советском Союзе и странах советского блока ничтожно (с исторической точки зрения) короткое время. Что в наличном и известном эмпирическом материале коммунизма есть исторически преходящее и что есть постоянное? Что относится к условиям конкретных стран и что является всеобщим? Какие явления должны были отойти на задний план, и какие усилиться? Список такого рода вопросов можно продолжить. На них практика коммунизма не успела дать ответы. В сохранившихся коммунистических странах, включая Китай, эволюция под давлением Запада пошла таким образом, что советский коммунизм, по всей вероятности, на долгое время (если не навечно) останется самым развитым и четко выраженным образцом реального коммунизма.

Научное понимание коммунизма как социального явления, которое (понимание) получило бы более или менее широкое признание, не было создано за всю прошлую историю. И похоже на то, что не будет создано и в обозримом будущем. Дело тут не в том, что нет и не может быть людей, способных на научное понимание коммунизма – такие люди возможны, – а в том, что в мире имеется достаточно много людей, обладающих силой не допустить такое понимание и не желающих, чтобы оно появилось. Вся история коммунизма сопровождалась его

идеологической фальсификацией. А после разгрома русского коммунизма эта фальсификация достигла неслыханных ранее масштабов. Сложилась устойчивая линия на этот счет – не только извратить коммунизм и превратить его в сознании людей в некое исчадие ада, но вообще вычеркнуть из истории всякие следы его реальной роли, приписав его врагам все то положительное, что он сделал, и приписав ему все отрицательное, что вообще происходило, и все плохое, что творили сами его враги.

Коммунизм идеологический и реальный

Надо различать коммунизм как идеологию (коммунистическую идеологию) и коммунизм как реальный тип человека. Коммунистическая идеология зародилась несколько столетий назад (Т. Мор, Т. Кампанелла), но превратилась в величайшую в истории человечества светскую (нерелигиозную) идеологию в девятнадцатом веке (К. Маркс, Ф. Энгельс). Реальный коммунистический человек впервые в истории появился лишь после Октябрьской революции 1917 года в России. На его формирование ушло несколько десятилетий.

Фундаментальная идея коммунистической идеологии заключается в следующем: частная собственность на средства производства и частное предпринимательство суть основной источник всех социальных зол, и если их ликвидировать, то можно построить человека всеобщего благоденствия. Коммунистическая идеология в ее марксистской форме сыграла огромную роль в возникновении и выживании советского (русского) коммунистического человека. Можно с полным правом признать, что не будь марксизма, не будь Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры и идеологи. Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский «проект». Например, были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения получили образование и были вовлечены в систему власти и управления, со временем были удовлетворены (на каком-то уровне, пусть примитивном) основные жизненные потребности и т. п. Но во многом другом реальный коммунизм резко отличался от этого «проекта». Например, государство не умерло, как обещали марксисты, а, наоборот, усилилось сравнительно с государством царской России. Не исчезли деньги. Не исчезло социальное и материальное неравенство.

Реальный коммунизм в общем виде выглядит так. Ликвидированы классы частных собственников. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Трудоспособные граждане отдают свои способности и силы обществу через деловые коллективы, получая за свой труд вознаграждение, необходимое для их существования и существования их семей. Все они суть наемные работники государства. Создана единая, централизованная и иерархизированная система власти и управления. Создана единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Создана единая государственная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. Гражданам гарантированы работа, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные социальные блага. Созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы, чтобы защищать страну от внешних нападений.

Русская революция

Всякую революцию можно рассматривать с различных точек зрения: с точки зрения причин, приведших к ней участников революции, ее движущих сил, ее лидеров, ее конкретного хода, ее последствий для различных слоев населения и т. д. По своей социальной сущности русская революция привела к установлению в стране господства класса чиновников аппарата власти и управления, а всех прочих граждан превратила в своего рода служащих государства. Она началась как революция в сфере высшей власти, но переросла в революцию массовую, народную в самом широком смысле слова, направленную против классовой эксплуатации и деспотизма власти. Что из этого получилось потом – другой вопрос, касающийся существа общества, которому еще предстояло развиваться на основе завоеваний революции.

Благодаря революции страна совершила беспрецедентный рывок вперед во всех отношениях – в социальном, хозяйственном, культурном, образовательном и т. д. Успех был настолько ошеломляющим для всей планеты, что Россия стала соблазнительным примером для многих народов. Это напугало Запад, и он с первых дней существования русского коммунизма вел упорную борьбу против него.

Революция, с одной стороны, принесла разочарование, обнаружив неосуществимость целого ряда обещаний коммунистов. А с другой – она принесла с собой нечто большее, чем то, что от нее ожидали. Русские люди, во всяком случае, не рассчитывали на такой стремительный прогресс. И главным завоеванием революции явились социальные права и гарантии для подавляющего большинства населения – гарантии работы, образования, обучения, медицинского обслуживания, отдыха, пенсии, т. е. удовлетворения основных жизненных потребностей. Революция породила также непредвиденные последствия, которые на первых порах еще воспринимались как пережитки прошлого, а с годами все более давали о себе знать как неизбежные спутники коммунизма.

Все социалисты (и коммунисты) до 1917 года были убеждены в том, что социалистическая революция произойдет сначала в Западной Европе, а уж потом перекинется на другие страны. Сам Ленин буквально за несколько дней до Февральской революции 1917 года в России говорил, что социалистическая революция сначала произойдет на промышленно развитом Западе с сильным рабочим классом, а не в отсталой, крестьянской России с малограмотным населением. Это убеждение вполне соответствовало марксистской доктрине. Но история распорядилась по-своему. С точки зрения здравого смысла, не зараженного идеологической доктриной, было очевидно, что новая цивилизация не могла возникнуть в центре старой – ее тут просто не допустили бы, как это случилось с Парижской коммуной и с попытками социалистической революции в Германии и Венгрии. Именно на периферии западной цивилизации, в России, сложились условия для успешного коммунистического эксперимента.

Ленин поразительно быстро оценил представившуюся возможность и использовал ее. Его великая историческая роль заключалась в том, что он разработал и пропагандировал идеологию социалистической революции, создал организацию профессиональных революционеров, рассчитанную на захват власти, возглавил силы для захвата и удержания власти, когда представился случай, оценил этот случай и пошел на риск захвата власти, использовал власть для социальных преобразований, организовал массы на защиту завоеваний революции от контрреволюционеров и интервентов, – т. е. в создании необходимых условий для построения коммунистического социального строя. Но сам этот строй сложился уже после него, в сталинский период.

Реальный коммунизм зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Инициаторы, организаторы и вожди революции вдохновлялись идеями коммунистической идеологии. Можно с полным правом признать, что не будь марксизма, не будь

Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры, вопреки фундаментальным принципам марксизма, в отсталой крестьянской стране со слабо развитыми капиталистическими отношениями. Это послужило одним из важнейших условий успеха коммунистического эксперимента! Он сложился в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм в определенных исторически данных условиях – развал всех основ предшествовавшего социального строя, характер населявшего страну человеческого материала, исторические традиции, международная ситуация и т. д. Осуществленная революцией ликвидация частной собственности на средства производства была одним из условий построения реального коммунизма, но она сама по себе еще не была элементом здания нового общества.

Эволюция коммунизма

Советский коммунизм сложился не сразу. И он изменялся со временем. Можно констатировать такие периоды в его истории: зарождения, юности, зрелости, кризиса и краха. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период я называю ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы после первого периода до смерти Сталина в 1953 году или до XX съезда КПСС в 1956 году. Это – сталинский период. Третий период начался с приходом к высшей власти Хрущева. При Брежневе русский коммунизм достиг состояния зрелости и добился наивысших успехов планетарного и эпохального значения. Я этот период называю хрущевско-брежневским. Четвертый период начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева и был завершен в результате переворота 1991 года, возглавленного Ельциным. Я его называю горбачевско-ельцинским. Многие считают его периодом старения и естественной смерти русского коммунизма. Это грубая ошибка или, скорее, умышленная фальсификация истории. Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни.

Новая проблема

Я «проглотил» книгу Критика за пару ночей. Это именно то, что мне было нужно для начала. Но у меня возникла новая проблема. Допустим, создано учение, о котором говорит Критик и которое он, надо полагать, создал, по крайней мере в основном. А дальше что? Это учение должно быть пущено в дело, т. е. сообщено людям. Каким людям? К кому обращаться с ним? Я высказал свой вопрос Критику.

– Теоретически ответ ясен, – сказал он. – К таким категориям (классам, слоям и т. п.) граждан, которые, познакомившись с ним, примут это учение как свое, отвечающее их положению в обществе, их менталитету, их интересам.

– А что это за категории конкретно?

– Думаю, что это категории, к которым принадлежим мы сами – граждане, профессионально занятые интеллектуальной и творческой деятельностью, зарабатывающие на жизнь и добивающиеся жизненного успеха своим индивидуальным трудом, развитием и использованием своих способностей. Интеллигенция. Образованщина. Служащие, выполняющие интеллектуальные функции. Профессора, научные работники, учителя, врачи, инженеры, менеджеры, писатели, художники и прочие. Люди, живущие на заработную плату, добивающиеся успеха и признания в деловых коллективах и через них. Одним словом, это те категории граждан, которые в советские годы становились основной частью населения. Они сохраняют значение в современном обществе независимо от социальной организации. Но они не безразличны к ней. Коммунистическая социальная организация лучше соответствует их интересам, чем западнистская.

– Так почему же они прощляли советский коммунизм?!

– Это другой вопрос. Сейчас могу лишь сказать, что одна из причин этого – засилье марксизма-ленинизма и отсутствие учения, о котором говорили мы с вами.

– Значит, нынешние коммунисты обречены?

– Да. Они не способны выработать новую идеологию. К тому же новая идеология обязывает к иному поведению. Они не способны выработать новую форму борьбы.

– А если с ними поговорить?!

– Это дело для новой исторической эпохи, а не для разговора. Тут начинать надо с нуля. С отдельных личностей. Нужны десятилетия (если не столетия), чтобы новые идеи выжили и пробили себе дорогу. А этого может и не случиться.

– Ваши идеи очевидны. Неужели те люди, к которым вы советуете обращаться, не поймут их?

– История – не семинар. Нужен исторический опыт, чтобы массы людей поняли и приняли идеи, которые кажутся очевидными нам. К тому же мы вступаем в эпоху тотального помутнения умов и мракобесия, исходящего из достижений научно-технического прогресса. Но об этом поговорим как-нибудь потом.

Жена

Жена пришла домой поздно и сказала, что выходит из православной церкви, что насмотрелась там всяких дел, несовместимых с подлинной религией, что там лишь видимость религиозности сохраняется, а по сути дела там творится то же самое, что и вне церкви.

Я подумал, что это результат чтения книги Критика. Оказалось, что это не так: жена заявила, что вступает в секту сайентологов.

– Час от часу не легче! Избавиться от российского мракобесия, чтобы отдаться во власть мракобесия американского!

– Православие – мракобесие из прошлого, а сайентология – из будущего. Может быть, оно несет спасение?!

– Какое?! От чего?! Кому?! Ты послушай, что люди говорят и что в газетах пишут! Это же преступная организация!

– Люди и другое говорят. Газеты и другое пишут. Теперь никому и ничему верить нельзя на слово. Надо все лично проверять.

– На это и десяти жизней не хватит.

– Теперь и одна ни к чему.

Я напомнил ей о книге Критика. Она сказала, что книга мрачная, что после нее не остается никакой надежды. Такие книги лучше не читать. А лучше вообще не издавать – зачем зря бумагу переводить?!

– Сколько бумаги уходило и уходит на всяческую макулатуру, – говорю я, – и ты ни слова не говорила по этому поводу. А тут бумагу пожалела на единственную работу, проливающую свет истины на нашу реальность!

Жена ничего не ответила и ушла к себе, отказавшись от ужина.

Великий соблазн

– Когда все-таки это началось? – задаю я вопрос, заранее зная, что он бессмысленный; задаю с целью спровоцировать Критика на разговор в интересующем меня направлении.

– Что вы имеете в виду, говоря «это»? – отвечает он.

– Крах нашего (советского, русского) коммунизма и страны в целом.

– Сам крах начался именно... с краха. Произошел антикоммунистический переворот, власть захватили реформаторы, они сознательно разрушили наш коммунизм. И как следствие – всю страну.

– А когда это началось, что привело к перевороту?

– Опять-таки проблема неопределенна. Если иметь в виду установку сил Запада на разрушение советской социальной организации путем сознательных действий этих сил, то началось «это» с началом холодной войны. Если иметь в виду конкретную форму переворота, то «это» началось с приходом к власти Горбачева и «перестройки». Если иметь в виду не преднамеренные действия вполне конкретных людей, а исторические причины и условия, то надо рассматривать сложный комплекс факторов, имеющих различные временные характеристики и действовавших в различных аспектах бытия. С этой точки зрения, «это» началось вместе с рождением коммунизма. Сама марксистская идея изобилия, принцип «по потребности», всеобщее и всестороннее благоденствие и т. п. несли в себе зародыш гибели коммунизма в условиях послевоенного процветания Запада. На Западе правильно угадали, что русских (советских) людей можно победить путем великого соблазна – соблазна властью, славой, богатством, свободой и прочими земными благами. Как только советские люди увидели реализацию марксистской идеи на Западе, они перестали быть оплотом коммунизма. К благам, какие им принес коммунизм, они привыкли и считали чем-то само собой разумеющимся, данным от природы. Они захотели присоединить к ним блага, какие увидели на Западе. При этом они не понимали, что блага Запада исключают (убивают) блага коммунизма и что эти блага достаются не всем, а лишь избранным.

Одержимость

После одной из бесед с Критиком я записал некоторые из его высказываний, понравившихся мне. Это повторилось и вошло в привычку. Появилась одержимость мыслями Критика. Через несколько месяцев накопилась целая тетрадь. Я стал подумывать о том, чтобы систематизировать записи и подготовить связный текст. И, чем черт не шутит, попробовать опубликовать его. Критику я пока о моем намерении говорить не стал. А он, видя мое внимание к его словам, щедро снабжал меня материалом для записок. Скоро я заметил определенную устремленность в его мыслях на глобальные и эпохальные перемены.

Эволюционный перелом

По мысли Критика, в двадцатом веке произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. Не принимая его во внимание и не понимая его сущность, невозможно понять на научном уровне все более или менее значительные события современности, включая те, которые произошли в нашей стране и с нашей страной. Люди еще не осознают его. Даже самые прозорливые замечают лишь его отдельные аспекты и проявления, не охватывают его в целом и не докапываются до его сущности. Критик сейчас работает над ним. Но он одиночка, а тут нужен целый исследовательский центр и современная интеллектуальная техника. Он думает, что этот перелом сопоставим по масштабам и по последствиям с тем переломом в эволюции животного мира, который произошел в связи и с возникновением людей как социальных разумных существ – люди выделились из животного мира и возвысились над ним. Теперь же происходит выделение из людей существ, которых можно назвать сверхлюдьми, и образование сверхобществ, возвышающихся над людьми и над человеческими обществами. Это процесс сложный, многосторонний, противоречивый. Нужен очень высокий уровень интеллекта, чтобы разобраться в нем. И терпение. И интеллектуальное мужество.

Быт

Все, что нужно для жизни, теперь имеется в изобилии («как при полном коммунизме»), кроме одного – денег. Конечно, у многих денег достаточно. У многих – сверхдостаточно. Денег нет у большинства. Мы свели свои траты к минимуму. Донашиваем старые вещи. Но так или иначе вынуждаемся на чрезвычайные траты, которые нам не по карману. Стали стремительно портиться зубы. Раньше зубная техника была плохой сравнительно с Западом, но дешевая или вообще бесплатная. И этого было достаточно по нашим меркам. Теперь реклама надрывается, пропагандируя достижения мировой зубной медицины и техники, якобы общедоступные в Москве. Но сколько это стоит! Я было сунулся в частную клинику. Оказалось, чтобы привести в порядок один зуб, нужно заплатить в два раза больше, чем моя месячная пенсия. А в «старорежимной» клинике очередь. И все равно теперь надо приплачивать и давать взятки. А для женщин вообще теперь нужно иметь состояние, чтобы держать себя хотя бы на минимальном уровне современных бытовых требований. Жена раньше тщательно следила за собой, выглядела элегантно с точки зрения критериев тех лет и моложе своего возраста. Теперь она махнула на все рукой и стала стремительно стареть. Я от этого не стал любить ее меньше, наоборот. Но мне мучительно жаль ее. Видеть, что происходит с ней, и чувствовать свое бессилие помочь ей – это для меня тяжелее, чем видеть деградацию всей страны. И я решил искать работу в частном секторе. Любую, лишь бы мне по силам и лишь бы платили. Случайно коснулся этой темы в разговоре с Защитником. Он обещал помочь устроиться в частное учебное заведение или хотя бы давать частные уроки детям «новых русских».

Пережитки коммунизма

Включил телевизор. Показывали фильм советских времен. Я помню его. Тогда он казался посредственным, идеологически тенденциозным. Над ним, как и над большинством других фильмов, мы тогда издевались как над «соцреализмом». Теперь эти советские «агитки» смотрятся как шедевры. Теперь мы не замечаем или игнорируем то в них, что раньше воспринималось как вранье и приукрашивание. Сейчас стали эти фильмы показывать регулярно.

Включил другую программу. Какой-то концерт. Исполняют песни советского прошлого. Эффект от них еще сильнее, чем от фильмов. Прекрасное исполнение. В сравнении с современными модными воплями старые песни звучат как божественные гимны.

Колоссальным успехом пользуются фильмы и песни о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Конечно, события в Чечне тут способствуют этому интересу. Но все-таки дело не только и не столько в них. Тут проявляется тоска по прошлому. Именно тоска, не более того. Сейчас русские готовы принять романтику советского периода, но лишь на уровне созерцания, в кино, в песнях и книгах, а не в практической жизни. В виртуальном, а не в реальном мире. Как нечто такое, что не обязывает их к поступкам такого рода, какие они видят в кино и о каких поется в песнях. Это проявление негативной реакции на постсоветскую реальность, причем реакции пассивной. Это отдушина для душевных состояний. Нечто подобное антисоветской фронде советских времен. Только та фронда способствовала краху советской системы, а нынешняя фактически примиряет с постсоветским режимом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.